

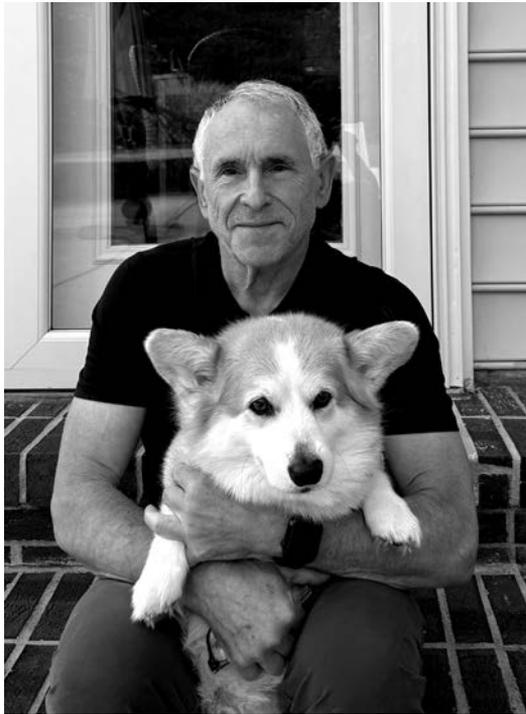

ШТОРЫ

рассказы о детстве

Борис Найдич

БОРИС НАЙДИЧ

ШТОРЫ

рассказы о детстве

БОСТОН • 2025 • BOSTON

Борис Найдич Шторы. *Рассказы о детстве*

Редактор: Давид Гай

Корректор: Анастасия Дуюнова

Boris Naydich Curtains. *Stories of Childhood*

Edited by David Guy

Proofread by Anastasiya Dуюnowa

Copyright © 2025 by Boris Naydich

All rights reserved. No part of this book may be reproduced or utilized in any form or by any means, electronic or mechanical, including photocopying, recording, or by any information storage and retrieval system, without the written permission of the copyright holder.

ISBN 978-1-970342-02-4 (hardcover)

Published by M•GRAPHICS | BOSTON, MA

 www.mgraphics-books.com

 mgraphics.books@gmail.com

Book Design by M•GRAPHICS © 2025

Illustrations and Cover Design by Isaak Feldman © 2025

Printed in the USA

Посвящается моим родителям и современникам.

Почти никого из вольных и невольных участников событий, описанных в этой книге, уже нет. Ушли в вечность дорогие попутчики жизни. Но мы не расстаемся. Они живут в памяти о том светлом, несравненном и незабываемом мире детства.

Хочется сказать самые теплые слова моему лучшему другу, жене и вдохновительнице ЕЛЕНЕ за ее долготерпение, понимание и бесценную помощь в работе над книгой.

Особая, искренняя благодарность редактору, писателю ДАВИДУ ГАЮ, без дружеской поддержки и мудрых советов которого публикация этой работы была бы просто невозможна.

Низкий поклон художнику ИСААКУ ФЕЛЬДМАНУ за украшение книги его замечательными иллюстрациями и обложкой.

НЕСКОЛЬКО ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫХ СЛОВ

---

*Откуда я? Я из моего детства.
Я пришел из детства, как из страны...*

Антуан де Сент-Экзюпери

Какая пора жизни была для вас самой счастливой? Большинство взрослых, обремененных опытом жизни людей, наверняка ответят: «детство». И вслед за Львом Толстым могут произнести: «Счастливая, счастливая, невозвратимая пора детства! Как не любить, не лелеять воспоминаний о ней? Воспоминания эти освежают, возвышают мою душу и служат для меня источником лучших наслаждений... Вернутся ли когда-нибудь та свежесть, беззаботность, потребность любви и сила веры, которыми обладаешь в детстве? Какое время может быть лучше того, когда две лучшие добродетели — невинная веселость и беспредельная потребность любви — были единственными побуждениями в жизни?»

Некоторые добавляют слова замечательного писателя и мужественного летчика Экзюпери: «Я возвращаюсь памятью в детство, чтобы снова почувствовать себя под его высокой защитой. Как только ты становишься взрослым, тебя пускают одного».

Автор этой книги не случайно вынес в подзаголовок пояснение: «Рассказы о детстве». Ему невероятно интересно вспоминать эпизоды своего взросления, становления личности, для него важно не упустить детали, мелочи бытия, уроки поведения, даже неизбежные шалости, чтобы из отдельных штрихов создать некие пазлы, позволяющие увидеть всю картину в целом. «О детство! Ковш душевной глубины!» — писал Пастернак. Борис Найдич слов-

но пристально вглядывается в себя, в свой юный облик, тихо плывущий к нему, взрослому, из бездонной глубины, колеблющийся, двоящийся, заволакивающийся бисерной рябью, будто отражение в потревоженной воде...

Он родился в 1950 году в Омске. До иммиграции в США (1990) жил в нескольких городах Сибири (Новокузнецк, Барнаул и Кемерово). Закончил Кемеровский медицинский институт, заочную аспирантуру в Москве. Кандидат медицинских наук. Работал врачом в больнице, онкологическом диспансере, скорой помощи. Преподавал и занимался научной работой в медицинском институте. Публиковал труды в научных журналах. После переезда в США прошел процесс переподготовки, включая резидентуру в Национальном Институте Рака (NCI) по радиационной онкологии. Работал радиационным онкологом в Джексонвилле, Флорида, и в Южном Мэриленде.

Участник фестиваля бардовской песни на Алтае и любительского театра в Кемерове. Увлекается литературой, историей, музыкой и альпинизмом.

Жена Елена тоже врач, иглотерапевт. Разделяет интересы мужа. Продолжая традиции семьи, работают в медицине и обе дочери, Маша и Лиза.

«Я описываю разные эпизоды в жанре короткого рассказа. Между этими историями есть глубокая связь. И взятые вместе, они составляют единый сюжет: воспоминания о детстве», — подчеркивает Найдич.

«Ушло навеки детство неведомо куда, но отыскал я средство, как вновь попасть туда». Так он коротко описывает процесс работы над книгой.

Строки эти навеяны стихами Леонида Дербенева, положенными на музыку Александром Зацепиным и ставшими песней-хитом «Куда уходит детство» в исполнении Аллы Пугачевой. И действительно, для написания таких историй необходимо глубокое погружение в то светлое прошлое, далеко ушедшие времена.

В памяти читателей замечательные образцы художественных произведений на тему детства. Перечислю некоторые. Это воспоминания Льва Толстого и «Детство Никиты» Алексея Толстого, «Детские годы Багрова-внука» Сергея Аксакова, «Детство Тёмы» и «Гимназисты» Николая Гарина-Михайловского, автобиографическая трилогия Максима Горького, повесть Льва Кассиля «Кондуит и Швамбрания», «Республика ШКИД» Г. Белых и Л. Пантелеева...

Борис Найдич никого из писателей-классиков не копирует, у него свой подход к описанию событий и фактов, и в этом своеобразие его прозы.

*Давид Гай, писатель,
редактор книги*

Э то было в давние времена, в другой стране и в другую эпоху.

С тех пор все изменилось. Появился интернет и искусственный интеллект.

И теперь через спутники на орбитах можно связаться с любой точкой Земли. Можно поговорить по телефону с собеседником, находясь в море, высоких горах, и даже в космосе. А тогда, в 50-х годах XX века всего этого не было. Были радиоточки, репродукторы, передававшие утреннюю гимнастику голосом Николая Гордеева под бодрый фортепианный аккомпанемент, новости об успехах индустрии, хороших урожаях, происках врагов и плохой жизни за рубежом, трансляции футбольных матчей со стадиона «Динамо» с комментариями Вадима Синявского, Николая Озерова и Котэ Махарадзе, музыку Дунаевского, песни военных лет, «Лебединое Озеро» и «Первый концерт» Чайковского.

Первый телевизор я увидел в доме своего деда в Омске. Это был большой ящик с крошечным экраном, впереди которого помещался округлой формы сосуд, сделанный из плексигласа и заполненный водой. Он служил линзой, увеличивая и одновременно чуть искажая изображение на экране. Приходили соседи. Некоторые приносили с собой стулья, а некоторые усаживались на полу, долго смотрели на расчерченную сетку ростра. А потом начиналась программа. Она была единственной для всей страны. Передачи смотрелись с некоторым недоверием, что где-то там в Москве идет концерт, а мы смотрим его в Омске.

С годами человеческая душа сначала немного черствеет. Нужно бороться с обстоятельствами жизни, и на воспоминания остается мало времени.

А потом она становится сентиментальной и склонной к ностальгии. И чем дальше, тем больше. Хочется вернуться в радостную и беззаботную пору детства, или взглянуть на нее хотя бы еще разок, хоть одним глазком. Но как? Память лечит, но она фрагментарна, и с возрастом события и образы расплываются, и теряется фокус.

И все же, при страстном желании увидеть прошлое можно взять ручку, чистый, разлинованный лист бумаги и заглянуть к себе в душу. И тогда возникает эффект Михаила Булгакова, который описан в «Театральном романе». Перед тобой как бы разрывается ткань, точнее паутина, и возникают сцены из детской жизни. И так ясно, что ты сам почти физически оказываешься там. Начинается нечто похожее на кино, непрерывный видеоряд событий в мельчайших деталях и подробностях. Остается только зафиксировать это на листке бумаги, а если хотите, то на компьютере. Так и были записаны истории, представленные в этой книге.

Жалею, что не вел дневников. Как бы было интересно сравнить детали. А может что упустил, перепутал. Но за правдивость описанных событий ручаюсь. Все так и было.

Появились шторы. С них все и началось...

В 1974 году сначала в ограниченном, а потом и в общем прокате вышло долгожданное «Зеркало» режиссера Андрея Тарковского. И вот сижу я в кинотеатре, смотрю «Зеркало» и вижу на экране то, что знаю и помню с самого начала своей жизни: открытое окно и раздувающиеся на ветру паруса оконных штор.

Шторы были легкие и прозрачные. Когда мама открывала окно, с ними играл ветер. И они все время меняли цвет: от голубого до серого. Иногда по ним пробегала рябь, и они текли, как вода. Иногда они прикасались к веткам дерева, и на них танцевали теневые аппликации самой причудливой формы. Я мог смотреть на это без конца. Смотреть и восторгаться чудесными явлениями, игрой красок, музыкой ветра.

Мне было меньше года. Мама, отец и я жили в коммуналке на три семьи. В анфиладе комнат наша была последней, непроходной. Там была большая железная кровать, шкаф, столик и мое лежбище, из которого было удобно наблюдать за шторой. А в соседней жила семья шахтера: он сам, его жена и дочка, внешность которой я не мог ухватить, потому что она постоянно двигалась, и ее лицо размывалось. А за этой комнатой была другая, и кто там жил, мне было неизвестно, потому что она была далеко за пределами доступного мне мира.

Соседи жили весело и громко. Шахтер много пил и играл на гармошке. И всегда одну и ту же песню, которая, как я узнал много позже, называлась «Подгорная». И вот эта «Умпа — умпа — умпа» залезла в мою голову и мешала созерцать. В квартире пахло квашеной капустой и керосином. Капусту соседи квасили в общей ванной комнате. А керосином пахло от кухонных керогазов. Запах был резким, и меня от него тошнило.

Родители работали, и их никогда не было дома. Когда приходила мама, у меня наступал праздник. Я пытался рассказать про шторы, но говорить еще не очень умел. Мама радовалась, что появился просвет для небольшого отдыха от непрекращающейся работы. Тогда она была санитарным врачом на металлургическом комбинате и изучала условия труда сталеваров. От темна до темна. 12 часов в день. Меньше работать было нельзя. Зарабатывали врачи мало, и многие трудились на полторы, а то и две ставки. А иначе как проживешь?

Кто оставался со мной в первый год моей жизни, я не помню. Часть времени в нашей комнате проводила соседская девчонка, которая закрывала окно наглухо, и шторы не шевелились. Я протестовал. Тогда она больно щипалась. А мама удивлялась, откуда у меня синяки. Пока я не научился говорить и не смог сказать откуда. Больше она к нам не приходила. А вскоре её семья получила отдельную квартиру. Переезд праздновали всей квартирой, и «Подгорная» звучала с особым напором, так что ее отголоски еще долго оставались в моих бедных ушах.

Веселый, вечно пьяный гармонист, его жена и щипучая дочка исчезли. Приехали новые соседи. Они были тихие. Не пили, на гармошке не играли. И больше никто не мешал мне любоваться волшебными шторами. Я уже мог ходить, трогать их пальцами и даже дергать во все стороны. Они стали материальными, ощутимыми, и их таинственность стала понемногу таять, исчезать... Остальной мир удивлял, пугал, отталкивал или притягивал, часто одновременно. Так что в этом было невозможно разобраться.

А потом мы получили отдельную двухкомнатную квартиру на улице Орджоникидзе, в районе, который тогда еще был окраиной. Дом построили пленные немцы. За окном был пустырь, моя следующая большая страсть. Дело было холодной и колючей зимой, и окна покрылись

толстой коркой ледяного узора. А за окном простиралось большое снежное поле, таинственное в своей пустоте. Его можно было рассмотреть через проталинки в оконном стекле. Нужно было только поскоблить лед, а потом подержать палец, пока не откроется вид наружу через оттаившее окошечко.

Однажды я услышал громкий, нарастающий гул. Задрожали и задребезжали стекла. Я прильнул к проталинке и увидел странные машины с яркими огнями, и было светло, как в солнечный день. Они двигались колонной, а сбоку стояли люди в тулупах, валенках и меховых шапках и махали красными флажками. «Смотри, мама! — с восторгом прокричал я. — Что это?» — «Это танки, сыночек. Учения, да в такой мороз... Бедные солдатики». И задернула шторы. Но я продолжал стоять на стуле у окна и никак не мог оторваться. Шторы закрывали обзор и мешали. И я их потихоньку отодвинул назад и продолжал смотреть до тех пор, пока танки и сигнальщики не исчезли из виду.

Когда я увидел шторы в фильме Тарковского, в душе появилась щемящая боль. И я заплакал. «Надо же быть таким идиотом и нюней, чтобы лить слезы из-за каких-то дурацких штор!» — ругал я себя. Но ругал зря. Ведь на мгновение я оказался там, в той самой комнате с большой железной кроватью, перед парусами штор, за которыми была тайна будущей жизни. Теперь же многое прожито и никакой тайны больше нет. А тут еще стихи Арсения Тарковского за кадром. И какие стихи! Вот острота воспоминаний накатила и пролилась горькими слезами.

Тогда, после «Зеркала», я написал про ностальгию, которая как волчья засада. Прочитал, порвал листок и выбросил. Я понял, что сильные чувства и слова не соприкасаются. Нет таких слов, чтобы это описать. Слишком остро. Хотя и длится только миг, а потом наступает глу-

бокая анестезия чувств. Яркий фрагмент прошлого блекнет, переходит в черно-белые, затем в серые тона, тает, исчезает из виду, и я возвращаюсь в настоящее, свою суетливую, насквозь будничную жизнь.

...Как же хорошо было тогда, в детстве! У меня были шторы. У меня была мама, не было никаких забот, и вся жизнь была впереди.

Наступил 1952 год. Страна отстраивалась после военной разрухи. Отменили продуктовые карточки. Появилось больше товаров. Возвращались домой фронтовики. Казалось бы, и в самом деле, как однажды выразился вождь «жить стало лучше, жить стало веселее».

Но не было в нашем новом жилье веселья и не было гостей. Только изредка приходил сосед по имени Фред. Он и отец молча играли в шахматы. А я молча наблюдал. Что-то было не так.

А случилось вот что. В марте 1948 года сотрудниками МГБ был убит Народный Артист СССР и глава Еврейского Антифашистского Комитета С. М. Михоэлс. Началось следствие по «антисоветской деятельности» ЕАК, которое в 1952 году завершилось коллективным судебным приговором и расстрелом всего руководства. Но это была только легкая разминка, после которой началась кампания борьбы с «-измами». В качестве основных мишеней обозначили сионизм и космополитизм с плавным переходом к борьбе с «врачами-вредителями», преимущественно среди «лиц еврейской национальности». Обе акции были начаты по прямому указанию Сталина и построены на фундаменте оголтелого государственного антисемитизма.

Товарищ Сталин много говорил и писал о единстве советского народа и интернационализме. Но на самом деле евреев сильно не любил. По причине личной неприязни, а также по вполне прагматичным соображениям. Его личным врагом был еврей Лев Троцкий, лидер оппозиции и соперник по борьбе за власть. Вождь поддержал образование государства Израиль, но евреи его «обманули и перекинулись в лагерь Америки», лютого противни-

ка СССР. Ему было доподлинно известно: многие советские евреи относятся к Израилю с большой симпатией, а следовательно, нелояльны партии, государству и, что особенно важно, лично ему, товарищу Сталину. А тут еще врачи той самой национальности из Кремлевской больницы, согласно сообщениям «органов» и его личным наблюдениям, занимаются саботажем и прямым вредительством здоровью руководителей государства. А то и просто травят ядом под видом лекарств. Неслыханное коварство!

Короче, все сошлось: сионизм, космополитизм, коварные врачи, козни мировой реакции и империализма. И он решил с этим безобразием разобраться и положить конец, поставив все еврейское население СССР вне закона. Целая миллионная этническая группа — враг народа! А врагов народа товарищ Сталин стирал в порошок, в лагерную пыль.

По всей стране начались аресты деятелей еврейской культуры. Потом пошли массовые процессы врачей. Повсеместно, в том числе и в Сталинске (будущий Новокузнецк), под следствие попали ведущие специалисты-евреи, имевшие несчастье работать в медицине, и среди них мой отец. Он был главным санитарным врачом города, членом горкома партии, большим энтузиастом своего дела. Санитарная служба города была поставлена хорошо. Отца хвалили и награждали почетными грамотами.

Летом 1952-го, сразу после очередного награждения, отец был неожиданно вызван в горком на экстренное совещание актива, обвинен в умышленном заражении детей города инфекционными заболеваниями, исключен из партии, и на него было заведено дело о вредительстве. Начиналось следствие. Отцу было позволено работать рядовым врачом в городской санэпидстанции. Он находился на свободе, живя под расстрельной статьей, в обстановке постоянной травли и ненависти. Газеты выходили со злокачественными антисемитскими материалами и зачитывались вслух на собраниях рабочих

коллективов. Граждане требовали расправы над «врачами — убийцами».

Родители пребывали в страхе и готовились к катастрофе. Но они сделали все, чтобы я ничего о происходящем кошмаре не знал. В доме не было газет, и я делал свои самолетики из тетрадной бумаги. А мама, несмотря на мои протесты, скручивала громкость радио до комариного писка. И ставила пластинки с музыкой Чайковского и Верди. Мне нравился марш из «Аиды». А в «Лебедином озере» слышалась тревога. За помощью я приходил к отцу. Он сидел за столом, курил и молчал. Он гладил меня по голове и говорил: «Не бойся, сынок. Это сказка. А сказок не нужно бояться. Вот я не боюсь ни сказок, ни былей».

Я радовался, что отец был дома. С ним было надежно. С ним можно было не бояться злого волшебника Ротбарта. А больше мне бояться было нечего. Я продолжал жить в беспечном мире детства, мире сказок, музыки и неизменно хороших новостей. И о трагедиях реальной жизни узнал много позже. Мне крупно повезло: события 1952 не успели отравить мою жизнь. А в марте 1953-го товарища Сталина не стало.

По радио прозвучала Шестая Симфония Чайковского, и страна погрузилась в траур, а родители ожидали скорой расправы. Но дальнейшая эскалация репрессий не входила в планы нового руководства. И вскоре преследование врачей прекратилось. Оказалось, что обвинения были целиком сфабрикованы «вражескими элементами» в аппарате МГБ. «Вражеские элементы» таковыми себя не считали и не могли считать. Они ведь были назначены самим товарищем Сталиным делать эту самую работу. И ведь как старались! Арестовывали тысячами, пытали, били и выбивали показания, проявляли творческий подход, фантазию и изобретательность в выявлении заговоров и диверсий. Раньше за это им давали ордена и денежные награды. Но наступили новые времена, и правила работы неожиданно изменились. На этот раз особо отли-

чившиеся передовики гэбэшного производства были наказаны, арестованные врачи отпущены на свободу, и антисемитские публикации газет прекратились.

Прекратились и следственные действия в отношении моего отца. Его вызвали в горком, извинились «за ошибку» и вернули партийный билет. Вскоре он был переведен в Кемерово, назначен главным санитарным врачом области и уехал устраиваться. А мы с мамой остались в Новокузнецке и так прожили вдвоем шесть лет. Отца как бы не стало, но он оставался со мной. Мой защитник и спаситель. Низкий ему поклон.

Кроме шишки на голове, ничего не было. Но голова болела. Небо, ограда вокруг площадки, горки, и даже дальние рыжие гаражи расплывались, раздваивались и качались, словно плыли по воде. По серо-голубому небу поползла легкая паутинка. Я зажмурился. Но паутинка не пропала и назойливо следовала за поворотом глаз, оставаясь прямо в центре. Как будто кто-то ее туда засунул, и она застряла.

Я поднял попавший мне в голову камень, пощупал его со всех сторон и долго держал прямо перед глазами, пока, наконец, его силуэт перестал двоиться. Хотя паутинка мешала, я видел непрерывную поверхность камня так ясно, словно в увеличительное стекло. Это была обыкновенная речная галька, гладкая, серо-бурая с двумя белыми прожилками, без единой черточка или трещинки.

«Обыкновенная речная галька,— думал я,— а голова болит, как от пули». А они все еще стреляют и бросают гранаты.

— Огонь! — закричал я и изо всех сил бросил камень назад в «фашистов», напавших на наш детский сад с соседних гаражей. «Огонь!» — кричали наши солдаты, вступая в бой. И даже некоторые девчонки бросали камни. Но только недалеко. А «фашисты» кричали в ответ: «Бей детсадовцев!» и бросали камни далеко и метко. Мы несли потери. Многие стали отступать, и мне стало обидно, что враги побеждают.

Я заплакал. И уже швырял камни куда попало. Пока я возился, вытирая слезы и сопли, приехала милиция, и «фашисты» стали отступать. А меня и еще нескольких оставшихся бойцов из нашей средней группы вернули в детский сад. Война закончилась.

Через щель полураскрытых штор ярким фонарем светила луна. На ней виднелись горы и навязчивая паутинка. Мои боевые товарищи уже спали. И, как будто не было никакого боя, мирно сопели. Мне же никак не спалось. Болела шишка, и не проходила злость на врагов. И я запел: «Вот солдаты идут по земле опаленной. Тихо песню поют про деревья, про клены...» Откуда-то появилась тетя Даша. И стала ругаться, что я не сплю. Я рассказал про шишку и про то, как был ранен в бою. Она пожалела, погладила по голове, села на кровать и стала убаюкивать, как маленького. Мне стало еще обиднее, и я опять заплакал. И от такого стыда сморился и окончательно уснул.

Эта история имела серьезные последствия. От удара камнем я забыл стихи про Руслана и Людмилу, которые знал наизусть. Навязчивая паутинка так и осталась, и потом мешала видеть всю голубизну неба. И еще музыка, которую я очень люблю, стала тревожить душу, вызывая произвольные слезы. Лить слезы на виду у людей стыдно. Не по-мужски это, не по-бойцовски. Теперь приходится ее слушать, когда никого рядом нет.

Невесело быть раненым в голову. Но я терплю. Ведь мне уже 6 лет. И я всего лишь ранен. А мог бы быть убитым, как мой дядя под Ленинградом зимой 1942.

В актовом зале Кемеровской школы № 1 имени С. Орджоникидзе, в торжественной обстановке (учителя за столом президиума, зеленая скатерть, ваза с цветами, директор на трибуне, микрофон, и все такое прочее, давно замылившее глаз) выдавали свидетельства об окончании неполного среднего образования. Все места в зале были заняты родителями и учениками восьмых классов, от А до Г. Нашего поголовья было человек сто пятьдесят, и весь зал был забит битком, а некоторые стояли.

Было шумно. Зрители и участники торжества аплодировали каждому выходу своих товарищей к трибуне, где директор — солидный мужчина в очках, темном костюме, белой сорочке и синем галстуке с узкими косыми полосками, с вежливой, отстраненной улыбкой — пожимал руки выпускников и вручал маленькие книжечки об окончании 8 класса, а стоящая рядом учительница истории выдавала по одному цветку. Не помню точно их имена, потому что особого участия в моей судьбе ни директор, ни историчка не принимали.

Давали и грамоты за особые заслуги в учебе. Но у меня никаких заслуг в учебе не наблюдалось. И вообще, у меня лично на душе праздника не было. А что, собственно, праздновать? Неполное среднее образование? Вот мой друг Толя уезжает в Академгородок учиться в школе для одаренных детей. Будет академиком. Витя К уходит в профтехучилище и через каких-то пару лет будет технологом на заводе. Несколько человек уезжает с родителями в другие города и будут учиться в других школах. А я после лета вернусь в школу № 1, и все пойдет как всегда.

Я покосился на маму, которая вчитывалась в мой документ в зеленой корочке и грустила. В нем были тройки по ключевым предметам: алгебре, геометрии, фи-

зике и химии. И это после того, как я поправил дела по остальным. Она хотела, чтобы я был врачом. Честно говоря, я не имел ни малейшего понятия, что из меня получится. Не все ли равно? Главное — не сидеть в тюрьме, не утонуть, не сгореть в пожаре, не попасть под машину и в педагогический институт. Буду жить, значит, буду жить хорошо.

На самом деле я бессовестно лукавил, причем перед самим собой. Мне было обидно за тройки, за то, что я такой тупой, что никак не могу понять суть математики и прикладных наук. Вот передо мной пример, мой друг Толя. Решает все задачи с ходу, на раз. Победил в областной и всесоюзной олимпиадах и по математике, и по физике! И вообще, за что не берется — все спорится. Захотел, и за каких-то два месяца освоил французский, и теперь читает Марселя Пруста, и понимает, о чем поет Ив Монтан. Без всякой школы научился играть на фоно. Наяривает буги-вуги как профессионал. Куда мне там с моим вальсиком из фильма «На семи ветрах». Нет, на самом деле я этот вальс люблю. Но технически мою игру с Толиной даже нечего сравнивать. При этом остается нормальным пацаном. И вместе со мной и Сережкой Х при случае пьет портвейн и курит «Джебел». Конечно, он гений. Ну а я что? А я отличник по физкультуре и труду, хорошист по истории, литературе и русскому, а во всем другом самый что ни на есть серый, посконный и кондовый середняк. И что самое главное, без компаса, без цели в жизни. Нет, надо что-то менять. Нужно поговорить с Толей. Пока он не уехал в Новосибирск.

— Тебе нужно поставить задачу, — сказал он, взяв короткую паузу для обдумывания моего вопроса о смысле жизни. — Как в физике: из одной трубы вытекает, в другую втекает и так далее. Это процесс со многими переменными. Но принцип один. Он прост. И любой желающий его может найти. Было бы желание. Вот ты. Чего ты хочешь? Поставь задачу, сформулируй просто, не усложняй. Вот я, например, знаю, где буду работать и чем заниматься.

— Поделись,— уважительно откликнулся я. Толя вызывал восхищение своим умением мыслить и объяснить.

— Очень просто. Я буду ведущим прикладным физиком в области аэродинамики в МФТИ и заниматься теорией суборбитальных и орбитальных полетов в космос.

— Ни себе фига! В смысле, вот здорово! А как ты знаешь?

— Поставил задачу. И буду ее решать. Вот и все.— Толя улыбнулся и на прощание добавил — Напиши, как идут дела. Ты уже в теме, потому что задал этот вопрос.

Я сомневаюсь, что мой друг читал труды Маймонида или других философов, потративших всю жизнь на изучение принципов процесса познания. Он нашел их сам. Главная мудрость состояла в том, что любой вопрос больше и важнее ответа. Вопрос — не просто постановка задачи. Это во многом и ее решение. И если двигаться по вектору вопроса, никогда не свернешь с пути. Как поезд, следующий из точки А в точку Б, никогда не сворачивает с рельсов. Нужно просто знать, что тебе нужна именно точка Б. И это не абстракция. Не ля-ля-ля и не фа-фа-фа. Толя доказал верность этой теоремы своим личным примером. Он действительно стал доктором наук, работал в суперэлитном подразделении МФТИ одним из разработчиков «Бурана», советского шаттла, затем профессором физики университета Тель-Авива, а потом университета Аризоны и разработчиком аэродинамических проектов для NASA.

Тот наш разговор произвел в моем сознании настоящий переворот. И я решился на полную переделку. Моей точкой Б стала учеба в школе. Отгуляв месяц на воле, я стал готовиться к школьному сезону, читая учебники предыдущего 8 класса, которые раньше просматривал, но не читал. И обнаружил удивительные вещи. Оказывается, в математике и физике есть типовые задачи и типовые решения. Они объединяются в поэтапный алгоритм при усложнении условий постановки задач. И их можно понять! Меняется сложность решений, но многие принципы сохраняются.

Я приобрел пару книг с описанием таких типовых задач и стал медленно изучать. Сначала было скучно. Но потом процесс пошел. Появился интерес. Я стал понимать, почему Толя часами занимается этим. Это похоже на шахматы, а в шахматах есть азарт. Да еще какой.

Начался учебный год. На первом же уроке математики, Евдокия Васильевна Королькова, единственный в нашей школе «Заслуженный Учитель РСФСР», остановилась возле моей парты, чтобы посмотреть, как я «варю суп в котелке», то есть как решается заданная нам задача. Остановилась, постояла чуток и пошла дальше, на мгновение положив руку на плечо. Это, брат ты мой, был сигнал. Нет, это был артиллерийский залп из 40 орудий! Евдокия Васильевна в моей шкале авторитетов шла сразу за Екатериной Великой, на полкорпуса опережала Маргариту де Валуа, Королеву Марго. В ней присутствовал редкий для учителей той поры профессионализм. Она никогда не выражала симпатий или антипатий, держалась уважительно, но на недостижимой дистанции для учеников, в своих действиях руководствовалась не формальностями, а здравым смыслом, старалась разнообразить подачу материала, рассказывая истории из жизни математиков, дозированно, чтобы не устраивать балаган. У нее не было любимчиков или нелюбимчиков. От нас только требовалось серьезное отношение к предмету. У нас в классе был пацан с совершенно жутким почерком, нечто среднее между китайскими иероглифами и клинописью. Так вот, у него были сплошные пятерки по математике. Евдокия Васильевна в таких случаях любила говорить:

— Мы не на чистописании. Мне все равно, как записано решение: слева направо, справа налево, столбиком или узорами. Мне от вас нужны понимание и результат.

Евдокия свет Васильевна все время ходила по классу. Ей было интересно, как решают задачи ученики. Ходила, соблюдая нейтралитет, не подсказывая, не поправляя. Иногда она подходила к Толиной парте и о чем-то разговаривала с ним тихо, чтобы не отвлекать класс. Толя

получал от нее специальные распечатки с текстами из научных журналов. Догадываюсь, это были задачи высшей сложности. Иногда их беседы затягивались. При этом в классе стояла полная тишина. Потом она продолжала обход своих владений, изредка прикасаясь своей царственной рукой к плечу тех, кто успешно справлялся с заданием.

Теперь, когда Толя пропал в далеких джунглях науки, ей не с кем было особенно говорить. И она двигалась быстрее. Но также методично и внимательно изучала наши тетради на марше и раздавала почести за успех. Так я получил свою первую пятерку по ее предмету.

И дело пошло. Я стал делать уроки не кабы как, а с тем, чтобы понять в чем фишка. Как из точки А добраться до точки Б. Применив те же принципы к остальным предметам, я получал тот же результат. Стало не хватать времени на футбол и обычные забавы. Происходило черт знает что! Дневник заполнялся отличными оценками, но меня переставали уважать уличные друзья, и в системе «свой-чужой» меня неуклонно тянуло вправо.

Я списался с Толей и рассказал о новостях. В ответ он поделился своими. Учебные его дела шли хорошо. Но не хватало времени на девчонок, хотя и текла слюна. Согласились на том, что отвлекаться на посторонние вещи биологически необходимо. Главное — не поступаться принципами. И на все время найдется. Но Толя был гений, а мне для достижения высоких целей надо было работать все больше и больше. А времени на остальную жизнь оставалось все меньше и меньше.

Я заделался круглым отличником и стал превращаться в скучный, вечно занятый персонаж.

В явном выигрыше оказалась мама. Ее перестали вызывать в школу и жаловаться на мои выходки. Напротив, меня стали хвалить на родительских собраниях, и она благосклонно принимала поздравления учителей.

А вокруг кипело и бурлило. В непосредственной близости, вот протяни руку, находились привлекательнейшие

и обаятельнейшие Фемины. Происходила жизнь. Приятели снимали ее пенки. А я сидел на обочине, следовал поставленной задаче и думал: «А мне это надо?»

«А как ты хотел? — Отвечал я себе. — Ты или работаешь и получаешь результат, или не работаешь и сосешь лапу, как медведь». И спорить с этим было трудно. Пути-то назад не было. Ну сбавлю темп. Ну остановлюсь на середине. И что? И где мое сальдо? В чем моя фишка? Ни сальдо, ни фишки в альтернативе не просматривалось. У меня оставался только один выбор. И мой паровоз, не сбавляя ходу, помчался к искомой точке Б. Я шел на медаль.

Но на одном из малых полустанков он чуть было не столкнулся с преградой и не сошел с рельсов. За месяц до выпускных на уроке истории, стоя у доски, я отвечал на тему «Начальный период Великой Отечественной войны». Я страшно любил историю и впитывал в себя знания предмета не только и не столько из учебника, сколько по десяткам книг воспоминаний ветеранов. А уж они, ветераны, точно знали что почем.

Но школьные уроки истории и литературы — это минные поля. Один неверный шаг, и, как пел Утесов, «Прости, прощай, Одесса мама». Когда я стал говорить о начальных потерях и отступлении до Москвы, историчка сделала стеклянные глаза и меня остановила.

— Где это ты взял?

— В учебнике и в воспоминаниях ветеранов.

— Воспоминания не входят в учебную программу. А в учебнике четко сказано, что Красная армия не отступала, а только отходила на более выгодные позиции, чтобы с новой силой бить врага. А ты словно радуешься удачам фашистов.

— Так мы же остановили немцев под Москвой. А до этого отступали. Это же факт. И ничего я не радуюсь. У меня дядю убили на войне.

— Опять ты про отступление. Не наши это слова. Ты понимаешь? Можно об одном и том же по-разному говорить.

— Я по-разному и говорю. Просто называю факты.

— А ты здесь не ерничай! Ишь ты. С учителем решил спорить! Садись, двойка!

По классу прокатился ропот. Я оглянулся. Одноклассники смотрели на меня с непониманием и, наверное, думали: «Какой дурак. Шел на медаль и словил пару на пустяке». А я подумал: вот он, настоящий урок. Про одно и то же можно, оказывается, говорить по-разному и фактами вертеть туда-сюда, как собака хвостом. И из тех же фактов получается совсем другая История. Да и хрен с ней с такой «Историей»! Да и с этой медалью. Если она от такой «Истории» зависит.

На последнем уроке объявлялась годовая оценка. Историчка дошла до моей буквы Н и слегка споткнулась. Посмотрела на меня, достала из ящика стола чистый лист бумаги, и стала что-то писать карандашом. Возникла долгая пауза.

— Вообще-то, — наконец сказала она, — с двойкой в журнале годовую пятерку я ставить не имею морального права. Но арифметически, если смотреть по четвертям, получается 5, 5, 5 и 3, и деля сумму на 4, получаем среднюю 4.5. Можно округлить до четырех или пяти. Что думает класс?

— Пять! — Дружно ответили мои одноклассники.

— Все так думают? — Учительница строго посмотрела на класс.

— Все! — Отозвалось громкое эхо.

— Ну все, так все. Сделаем исключение и поставим пять. Скажи спасибо.

— Спасибо... Дяде Боре. — сказал я, глядя ей прямо в глаза. Он на войне за всех за нас погиб.

ЭПИЛОГ

Шторы опускаются. Сеанс закончен. Но хочется вернуться в этот кинотеатр памяти и еще раз посмотреть свой любимый фильм о детстве. Погрузиться в теплые волны его безмятежности и свободы, доброй магии и озорного волшебства.

Мы все когда-то были детьми, но детство у каждого было особенное, неповторимое, удивительное и прекрасное. Может быть, вы напишите об этом свой рассказ и поделитесь с нами сюжетами из своего детства. Тогда его страница станет общим достоянием, а коллективная память его сбережет.

С пожеланиями мира, света и добра,

Борис Найдич

СОДЕРЖАНИЕ

Несколько предварительных слов . . .	7
От автора	11
Шторы	13
1952.	19
Камень.	23
Подарок	27
Сепсис	31
Пианино.	39
Костюмчик.	49
Бородино	55
Цугцванг	59
Школа	67
Дуэль	73
Зубы	77
Перина.	83
Сахар	87
Крыша	93
Могила.	97
Собаки	105
Вина	113
Карты.	121
Йорик	129
Бутсы.	133
Ярость	141
Хвост	149
Чемпион	157
Вода.	165
Ружье.	171
Переворот	181
Эпилог	188

*Ушло навеки детство неведомо куда,
но отыскал я средство, как вновь попасть туда*
— Борис Найдич

Автор этой книги не случайно вынес в подзаголовок пояснение: «Рассказы о детстве». Ему невероятно интересно вспоминать эпизоды своего взросления, становления личности, для него важно не упустить детали, мелочи бытия, уроки поведения, даже неизбежные шалости, чтобы из отдельных штрихов создать некие головоломки, позволяющие увидеть всю картину в целом.

«О детство! Ковш душевной глуби!» — писал Пастернак. Борис Найдич пристально вглядывается в себя, в свой юный облик, тихо плывущий к нему, взрослому, из бездонной глубины, колеблющийся, двоящийся, заволакивающийся бисерной рябью, будто отражение в потревоженной воде...

M-GRAPHICS PUBLISHING
www.mgraphics-books.com
mgraphics.books@gmail.com

ISBN 978-1-970342-02-4

9 781970 342024